

Бартков Б.И. Дериватография германских, романских и славянских языков: состояние и перспективы // Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986а. С. 3-29.

Бартков Б.И. Количественная дериватология и дериватарий французского языка // Омсемия и омография в естественных и машинных языках. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986б. С. 81-121.

Бартков Б.И. Дериватография украинского языка и количественный дериватарий 100 аффиксов, полуаффиксов и аффиксоидов научного стиля и литературной нормы // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986в. С. 8-58.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. С. 1096.

Caesaria G.Iulii. Commentarii rerum gestarum. Leipzig: BSB V.G.Teubner, 1977. Vol. 1. 353 B.

А.И.Кузнецова

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВАРЕЙ МОРФЕМ

XX век - время расцвета лексикографии, время появления словарей различных типов, в том числе таких, объектом описания которых служат не слова или сочетания слов, а минимальные значимые части слова - морфемы.

В настоящее время для русского языка создано около 20 словарей морфемного состава слов и собственно словарей морфем, преимущественно корневых, из которых наиболее полными являются "Словообразовательный словарь русского языка" Д.С.Уорта, А.С.Козака и Д.Б.Джонсона (1970) и "Словарь морфем русского языка" А.И.Кузнецовой и Т.Ф.Вфремовой (1986). Первый из названных словарей содержит словарные статьи лишь на корни (как русские, так и заимствованные), второй включает корни и аффиксы, но только русского происхождения или заимствованные в допетровскую эпоху (сложные слова были элиминированы из словника).

Составление словарей - необычайно трудоемкое занятие; лекси-

кографическая работа, требующая большой затраты сил и времени лексикографа, получила в свое время красочную оценку в эпиграмме гуманиста эпохи Возрождения Жюль Сезара (Юлия Цезаря) Скалигера (1484-1558) (эпиграмма известна в России в переводе Феофана Прископовича (1687-1736) под названием "К сложению лексиков")

Если в мучительские осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не веди томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкие работы мест рудных.
Пусть лексиксис далает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.

Однако если для лексикографа составление словаря, оборачивается прежде всего "мукой", то для человека, пользующегося им, словарь — источник многих интересных находок, облегчающий сбор материала для исследования.

Каждый словарь обладает своими возможностями, несет свою информацию, как явную, так явную и скрытую от поверхностного взгляда. Словари морфем в этом смысле не представляют исключения. Составитель словаря, разумеется, не может предвидеть всех запросов читателей, которые нередко замечают информацию, не замечаемую самим лексикографом.

В данной статье обсуждается круг вопросов, ответы на которые можно получить из словарей морфем, в первую очередь из словаря Д. Уорта и словаря А. И. Кузнецовой — Т. Ф. Ефремовой. Вся информация, хранящаяся в словарях морфем, может быть разбита на несколько типов: во-первых, это информация о структуре русского слова; во-вторых, сведения об инвентаре морфем; в-третьих, информация о гнезде, которое иногда считают самостоятельной единицей словообразования.

О структуре слова в русском языке можно судить и по словарям морфемного состава слов (Потиха, 1964, 1981), и по словарям морфем, при этом в словарях морфем слова, расчлененные на морфемы, даны в гнездах, т.е. в окружении родственных слов, и потому их членение является более доказательным, чем в словарях морфемного состава слов, где слова расположены по алфавиту.

Следует сразу сделать оговорку: членение слов нередко вызывает ожесточенные споры, что не может не отразиться на резуль-

татах описания структуры слова. В частности, хорошо известный в морфологии метод морфемного анализа в "Словаре морфем русского языка" Кузнецовой-Ефремовой подвергся корректированию; были введены некоторые принципиально новые положения.

1. Для сравнения однокоренных слов (с целью вычленения общего корня) сознательно привлекаются слова, бытующие во всех языковых подсистемах, а не только в литературном языке, поскольку слова всех подсистем устроены из одних и тех же морфем и соединяются друг с другом по одним и тем же законам (по другим правилам и из других морфем складываются поздние заимствования, особенно термины).

2. При использовании сопоставительного метода в словаре морфем центр тяжести перенесен с семантического критерия на формальный, иначе говоря, при морфемном анализе следует идти не столько от корня, смысл которого часто бывает размыт и трудно уловим, сколько от структуры слова, от аффиксов.

Реализация первого пункта дает возможность вскрыть в слове напластования морфем более глубокие, чем это видно при поверхностном рассмотрении. Принцип синхронности при этом жестко соблюдается, так как членяемое слово сопоставляется только со словами, существующими в живом современном русском языке, хотя и в разных его сферах.

Использование сопоставительного метода делает более упорядоченным закон построения слова, видны ограничения в сочетаемости морфем.

Задумываясь над структурой русского слова вообще и его основы в частности, носитель языка с легкостью назовет такие бросающиеся в глаза особенности словарного состава, как, например, явное преобладание слов, имеющих в своем составе более одной морфем; обилие слов, начинающихся с префиксов (их, действительно, значительно больше 50% в языке); огромное количество слов с суффиксами в составе слова (бессуффиксных слов в языке менее 10% по "Словарию морфем ..." или 14% по словарю Уорта. См. Уровни языка ..., 1986, с. 164) или тот факт, что слово состоит из разных морфем, и т.п. Однако для понимания законов строения русского слова требуется ответить на множество конкретных вопросов, например, какова глубина русского слова, т.е. каково количество морфем в слове, сколько аффиксов может быть в слове, каково предельное число в слове префиксов и суффиксов, сколько может быть корней в сложных (полнокорневых) словах; каковы

особенности аранжировки (порядка следования) морфем в слове, возможно ли повторение одной и той же морфемы в слове дважды и т.п.

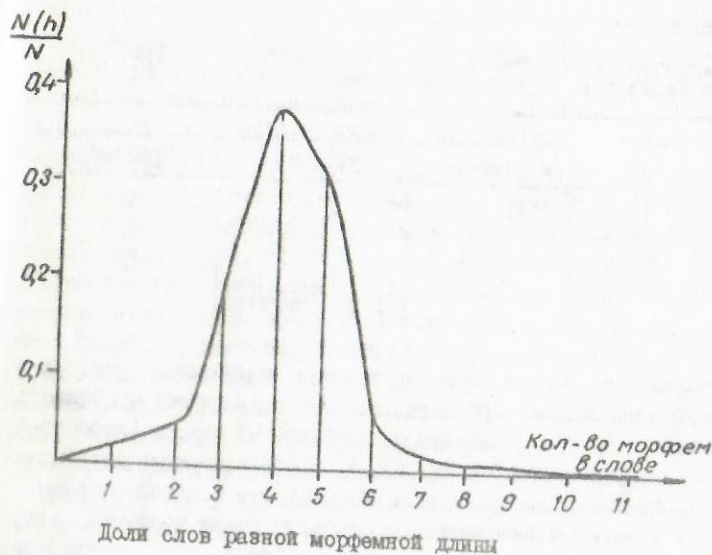
При анализе различных морфемных явлений, поддавшихся не только качественной, но и количественной обработке, имеет смысл при решении любой задачи, поставленной исследователем, определить среднестатистические данные, принимая их за эталон. Тогда отклонения от средних цифр выглядят как крайние точки шкалы, на которой размещаются те или иные лингвистические события: девиация от этой центральной величины происходит как в сторону малых, так и в сторону больших размеров. Такой подход к материалу позволит выделить центральные (продуктивные, частотные, регулярные) единицы в противоположность периферийным (непродуктивным, нечастотным, нерегулярным) и сосредоточить внимание либо на правилах, законах языка, либо на исключениях, с одной стороны, подчеркивающих правила, с другой стороны, постепенно изменяющих их.

Исследование материала словарей морфем под углом зрения структуры слов позволяет воссоздать следующую картину устройства слов в русском языке, нарисованную широкими мазками в самых общих чертах.

В простых (т.е. имеющих один корень) словах, зафиксированных словарями русского языка, не встречается более II морфем (например, пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е); подавляющее большинство русских слов (более 87%) состоит из 4±I морфем (см. подробнее Кузнецова, 1986, 1987). Вероятность обнаружения слов данной глубины, определяемой как $\frac{N(n)}{N}$, где $N(n)$ - число слов

в словаре с глубиной n и N - полное число слов в словаре, показана на рисунке. Максимальное количество корней в сложных словах - шесть (Кузнецова, 1980. Ср.: Уровни языка ..., 1986, где дана обработка словаря Уорта и др.); количество префиксов не превышает трех (исключение - существительное не-при-с-по-соб-л-ени-ость), а суффиксов - шести в слове (см. подробнее: Вфремова, 1968, 1970; Уровни языка ..., 1986, с. 161-168).

Обычным порядком следования морфем в основе слова является расположение типа префикс - корень - суффикс + окончание. По материалам словаря Д.Уорта и др., по этой модели образовано около 80% всех слов (Уровни языка ..., 1986, с. 165). Из теоретически возможных сочетаний морфем основы в языке реализуются

далеко не все, что хорошо видно из таблицы, составленной для простых (имеющих один корень) слов (порядок расположения морфем в таблице обусловлен их убывающим количеством: в языке корней больше, чем суффиксов, суффиксов больше, чем префиксов).

Как видно из таблицы, половина клеток оказывается вообще пустой: в простом слове невозможны сочетания суффикс - корень, суффикс - префикс, корень - префикс, корень - корень. Вместе с тем, наличие в языке сочетаний морфем определенного типа (например, префикс - корень или суффикс - суффикс) не означает, что допустимы сочетания всех существующих префиксов со всеми корнями или суффиксов с суффиксами: из всех теоретически возможных парных сочетаний корней с суффиксами, суффиксов с суффиксами, префиксов с корнями и префиксов с префиксами реально в языке встречается лишь ничтожное их количество (Вфремова, 1970, с. 19-20). Если сочетания корня и суффикса обозначить через А, суффикса и суффикса - через В, префикса и корня - через С, а префикса и префикса - через D, то всегда

$$A > B > C > D$$

Для сложных слов, имеющих два и более корней, а также обычно интерфиксы, картина значительно меняется: со знаком плюс оказывается три четверти всех клеток, хотя опять-таки ни одна морфе-

Таблица

Реализация теоретически возможных сочетаний морфем, образующих основы в русском языке

Первое место	Второе место		
	Корень	Суффикс	Префикс
Корень	-	+	-
Суффикс	-	+	-
Префикс	+	-	+
		(искл. вынуть)	

ма не может сочетаться со всеми другими морфемами. Группы А и С содержат сочетания морфем разных классов (корней и аффиксов), а группы В и D — сочетания морфем одного класса (либо префиксов, либо суффиксов). Отсюда и само понятие порядка следования (аранжировки) морфем трактуется по-разному: с одной стороны, речь может идти о типичных для русского языка морфемных структурах и отклонениях от них; с другой стороны, — об аранжировке конкретных морфем и некоторых особенностях их сочетаемости. И то, и другое можно установить по словарям морфем.

В аффиксальных цепочках каждый префикс и суффикс, обладающий определенным количеством позиций, имеет свои "излюбленные" места в слове по отношению к корню или к началу и концу слова; в префиксальных последовательностях встречаются случаи аффиксальных метатез, которые в суффиксальных цепочках бывает, как правило, в рамках словообразовательного круга. Инередка наблюдаются случаи омографии и рекурренции (повторяемости) в пределах слова одного и того же аффикса, что указывает на его дважды реализованную деривационную функцию в истории языка — функцию форманта (Кузнецова, 1973). В суффиксальных цепочках (исследование суффиксов с точки зрения порядка их следования в структуре русского слова проводить значительно труднее, чем префиксов) существуют устойчивые сочетания суффиксов друг с другом, образующие морфемные блоки (Кузнецова, 1987), превращающиеся в слитные суффиксы, которые обычно используются в качестве формантов при словообразовании новых слов.

Особый интерес представляют корреляции префиксальных и суффиксальных цепочек между собой, выяснение вероятности появления следующих морфем, инципированных предыдущими (особенно пре-

фиксами), что может быть предсказано в большом количестве случаев. Анализ соотношения в структуре слова суффиксов и префиксов или суффиксальных и префиксальных цепочек не должен ограничиваться механическими подсчетами (см. например, Ефремова, 1968, 1970), а должен быть качественным, т.е. обладать объяснительной силой. С этой точки зрения следует особенно внимательно изучить такие модели слов, в которых есть взаимозависимость, высокая закоррелированность префикса и суффикса, составляющих рамку корня, то, что обычно в словообразовании называют конфиксами (циркумфиксами), предполагая, что при создании слова в таких случаях оба аффикса одновременно присоединяются к корням. Например, конфиксы отмечаются в словах су-глин-ок (см. "Словообразовательный словарь русского языка" А.Н.Тихонова), за-голов-ок, поскольку в современном русском языке нет ни *сутлин, *заголов, ни *глинок (в отличие от за-кут-ок, в отношении которого можно говорить о равноэквивалентном образовании или от закут, закута, или от куток, существующих в языке). В XVII в. в старорусском языке были слова головокъ (бытующее, кстати, и в современных диалектах, но в ином значении) и образованные от него оголовокъ "часть конской узда", заголовокъ "корешок книги"; наоборот, не существовало слова *глинок, но было суглечь, от которого позднее образовалось существительное суглинок. Все так называемые конфиксальные модели словообразования, которые легко обнаружить по словарям морфем, требуют особых изысканий, так как в современном русском языке большинство слов, имеющих такую модель строения с сильно закоррелированными, взаимосвязанными префиксом и суффиксом достались языку по наследству от прошлых эпох и только отдельные формы могли быть заново образованы таким "рамочным" (обрамляющим) способом по аналогии с бытующими в языке. Для морфематики вообще нет необходимости вводить понятие конфикса, но следует отмечать высокую степень корреляции между некоторыми префиксами и суффиксами.

По префиксальным, в меньшей мере по суффиксальным словарным статьям легко отыскать модели, которые условно можно назвать омомоделами (омонимичными моделями). В них наблюдается полное смещение мотивирующих и производящих основ, клубок значений с трудом поддается распутыванию. Примером может служить модель на-√-ник-ь, по которой построены, с одной стороны, слова набришник, наголовник, нагрудник, налечник, налобник; налокот-

ник, а с другой стороны - наемник, наездник, напарник, наместник, наперник и даже накомарник "врач" и "клев", наперник, накомарник, не сводимые к одной словообразовательной модели, так как они имеют разную мотивировку.

Таким образом, словари морфем предоставляют исследователю большие возможности для наблюдений над устройством русского слова - для определения его глубины, количества префиксов и суффиксов в аффиксальных последовательностях, количества корней в сложных словах, аранжировки морфем, скоррелированности префиксальных и суффиксальных цепочек, для выявления изредка встречающихся в структуре слов случаев омографии и рекуррентности морфем, наличия морфемных блоков - устойчивых сочетаний суффиксов, выполняющих роль словообразовательных формантов и благодаря этому служивших мостиком между морфемным и словообразовательным анализами. Некоторые из названных проблем уже рассмотрены (полно или частично), другие еще ждут своих исследователей.

Словари морфем при умелом их использовании дают большую информацию не только по моделям слов, особенностям их структуры, но и по инвентарю морфем.

Внимательное прочтение корневой части словарей позволяет установить, что более 60% корней является свободными; подавляющее большинство корней охвачено алломорфией, причем больше всего в языке морфем, имеющих по два или три алломорфа; частота класса корней выше частоты классов других морфем, входящих в основу слова; корни в целом избегают омографии (среди русских корней менее 10% омеодиниц); все корни равномерно распределены по продуктивным и единичным моделям; средняя длина русского корня 4¹/₂ буква (для письменного варианта языка) и т.д. В связи с последним наблюдением можно констатировать изоморфизм структуры слова, состоящего из 4¹/₂ морфем, и структуры корня, состоящего из 4¹/₂ буква. Замечательным образцом фонетической обработки данных словаря Д. Уорта является коллективная монография "Уровни языка ...", 1986, которая содержит описание обобщенных фонетических характеристик слов и морфем - таких, как число слогов, место ударения, вокалическая и консонантная структура корневых морфем и т.д.

Собранный воедино аффиксальный запас языка позволяет задуматься над сложнейшей и пока не решенной проблемой суффиксальной омографии, причем для ее решения можно использовать критерии

рий не столько семантический, сколько частеречный и альтернативный (об иных критериях см.: Васильев, 1962, с. 51-52; Клименко, 1973). Еще сложнее проблема аффиксальной алломорфии, только намеченная в "Словаре морфем русского языка" (с. 575-576) для префиксов и совершенно не затронутая для суффиксов.

В инвентаре суффиксов встречаются разнородные элементы: с одной стороны, это суффиксы, имеющие четко выраженное деривационное значение, обладающие большей или меньшей активностью и продуктивностью, с другой стороны, это - остаточные элементы, выявившиеся в слове в результате "извлечения" из него корня и форманта. Как правило, остаточные элементы бывают единичными, аномальными.

Единичные аффиксальные элементы, которые часто называют структурными элементами, прокладками, наращенными, требующие всегда особого углубленного анализа, могут быть систематизированы.

Во-первых, среди аномальных аффиксов могут быть бывшие форманты - экс-аффиксы, по терминологии Б.И. Барткова (1982), с помощью которых в древности было создано много слов, после чего модель утратила свою активность. К таким реликтам относится, например, суффикс -мен/мень- (ячень, сухмень, ср. глухмень, голомень, житмень, узмень), -харь- (знахарь, в прошлом это было сочетание -х-арь. Ср. диал. и др.-русск. дахарь, взяхарь, бахарь), префикс з- из 1з- (по-з-вол-и-ть), оби-/обы- (обиход, обыденный) и др.

Во-вторых, если остаточные элементы в слове, выделившиеся при членении и попавшие в инвентарь префиксов или суффиксов, никогда не служили словообразовательными элементами, то это могут быть застывшие флексии, которых много в сложных словах, где они функционируют как интерфиксы, и в наречиях, где они выполняют функцию суффиксов (такие бифункциональные морфы можно было бы называть амбификсами).

В-третьих, единичные аффиксы могут быть из отдельных слов, например, -жди - из причастной формы шьды, чи- - в глаголе отчихвостить - из частицы со значением "ли".

В-четвертых, особенно интересны, с нашей точки зрения, отдельные элементы языка-источника, проявившиеся, как при проявлении фотопленки, при заимствовании в русский язык (обычно именно эти элементы называют прокладками, смешивая их с эпентетическими элементами в исконных словах при словообразовании, или наращенными), например: арго-т-изм при наличии арго (фр. argot),

буржуа-з-ия при наличии буржуа, буржуй (фр. bourgeois, bourgeoisie), кабаре-т-ист, ср. кабаре (фр. cabaret, cabaretier), византи-н-ист, ср. Византия (фр. Byzantine, byzantine); у А.Белого в книге "На рубеже двух столетий" встречается форма дат. п. ед. ч. от фамилии французского импрессиониста Дега - Дегазу (фр. Degas); комильфо-т-ный, ср. комильфо (фр. comble il faut) и др. Аналогично можно привести примеры "наращений", перешедших в русский язык из языка-источника: того-лез-ск-ий (фр. togolaise + ск), бот-ин/ок (фр. bottine, ср. botte - боты), спазмат/ич/еск-ий (греч. *βλασφημική* + еск (ий)). Широков, 1972) и т.п.

Информативные возможности словарей морфем могут быть уменьшены, если обратиться к анализу гнезда как самостоятельной единицы словаря морфем.

Анализируя гнезда корней, можно установить, с одной стороны, какие и сколько корней функционируют как корневые слова, как слова-одиночки, для каких частей речи наиболее характерны и те, и другие (Кузнецова, 1977), с другой стороны, каковы связанные корни в современном русском языке в словарной форме, какова степень их связанности (со стороны префикса, суффикса или с обеих сторон).

Большие возможности открываются при изучении структуры корневого гнезда: по словам морфем легко исследовать словообразовательные парадигмы и цепочки, определяя количество тех и других, особенности их устройства, устанавливая в словообразовательных цепочках максимальное количество деривационных шагов, отраженных в структуре слова. Гнезда удобно классифицировать по частеречной принадлежности слов, входящих в них, по объему (количеству слов в гнезде), даже по свойствам исходного корневого слова, стоящего во главе гнезда. Анализ гнезд в словарях морфем интересно сопоставить с результатами анализа словообразовательных гнезд, полученными по методике П.А.Соболевой, Е.Л.Гинзбурга и др. (подобная работа была проведена для украинского языка Клименко, 1973).

Размеры аффиксальных гнезд наглядно демонстрируют продуктивность и активность одних аффиксов и "вымирание" других; при изучении гнезд четко видны позиционные возможности префиксов и суффиксов, закономерности последовательного и одновременного словообразования, "отпечатавшегося" в современной структуре слова.

Информативные возможности словарей морфем повысятся, если

воспользоваться рядом новых помет и добавлений (см., например, Бартков, 1982). Так, при корнях можно проставить время его первой фиксации в корневом слове и его происхождение (Андреевская, 1987), оговаривая особо спорные случаи.

По словарям Зд.Оливерюса, 1976, Л.В.Кулешовой, 1976, Б.И.Барткова, 1982, по частотным спискам А.И.Кузнецовой - О.А.Лавреновой, 1975, Л.И.Мининой и Б.И.Барткова, 1986 и др. можно добавить в словари морфем частоты корней и аффиксов.

Пользуясь префиксальной частью "Словаря морфем ...", можно расположить в обратном порядке префиксальные последовательности, что откроет новые возможности в обнаружении аранжировки префиксов и выявлении закономерностей фонетического характера для префиксов.

Увеличение информативных возможностей словарей морфем может быть достигнуто введением семантической зоны: можно попробовать отмечать хотя бы приблизительно, значение корней и аффиксов, пользуясь в этих целях словарями Н.В.Юшманова, 1968, Г.П.Цыганенко, 1982 и др.

В последнее время словари морфем активно вводятся в ЭЕМ (уже введены усилиями ленинградских лингвистов словари Д.Уорта и др., Кулешовой, Кузнецовой-Ефремовой), благодаря чему открываются новые перспективы исследования русской морфематики.

Словари морфем русского языка фактически можно рассматривать как машинный фонд по морфемике в неалгоритмическом виде. Единицы данных словарей - морфемы - могут быть использованы в качестве единиц словаря автоматического распознавания связного текста (Асиновский, 1986, с. 157). При машинной обработке введенных в память ЭЕМ словарей морфем можно получить сведения о корреляции всех параметров морфемы, о которых шла речь в настоящей статье, что даст возможность по-новому увидеть системные связи языковых явлений.

Л и т е р а т у р а

Андреевская А.В. Принципы составления и информативные возможности словаря корневых слов (на материале корневых слов русского языка XI-XX веков): Дипломная работа/МГУ. М., 1987. (Рукопись). 83+868 с.

Асиновский А.С. Выступление в дискуссии о машинном фонде русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 157-158.

Бартков Б.И. Количественное представление деривационной подсистемы и экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка (научный стиль и литературная норма) // Особенности словообразования в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1982. С. 114-163.

Васильев А.И. Омоморфемность словообразовательных суффиксов существительных // Уч. зап. Киргиз. Гос. Ун-та. Фрунзе, 1962. Вып. 3. С. 50-56.

Ефремова Т.Ф. Несколько замечаний о структурных типах единиц морфемного уровня // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 56-73.

Ефремова Т.Ф. Опыт описания современного русского языка на уровне морфем. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.

Клименко Н.Ф. Система аффиксального словотворения сучасної української мови. Київ: Наук. думка, 1973. 186 с.

Кузнецова А.И. Словообразовательный круг в русском языке // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 145-151.

Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка (Слова-одиночки. Корневые слова) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 210-223.

Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка (Поликорневые сложные слова. Бессуффиксные слова) // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 128-141.

Кузнецова А.И. Глубина слова как фактор, регулирующий процесс образования новых слов (на материале русского языка) // Деривация и семантика: слово - предложение - текст. Пермь: ПГУ, 1986. С. 43-50.

Кузнецова А.И. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре русского слова // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 97-106.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 1136 с.

Кузнецова А.И., Лавренова О.А. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском

языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 83-99.

Кулешова Л.В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1976. 189. 383 с.

Минина Л.И., Бартков Б.И. Диахроническая и синхроническая продуктивность, модельная и суммарная частотность суффиксоидов русского языка // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 111-136.

Оливерюс Зд.Ф. Морфемы русского языка. Частотный словарь. Прага, 1976. 198 с.

Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. 2-е изд. М.: Просвещение, 1964. 390 с.

Потиха З.А. Строение русского слова. Учебный словарь для зарубежных школ. М.: Рус. яз., 1981. 320 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1985.

Уровни языка в речевой деятельности. К проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 260 с.

Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев: Рад. шк., 1982. 240 с.

Ширшов И.А. О происхождении "наращения" - ат- в прилагательных на -атический // XXV Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. Л.: ЛПИ им. Герцена, 1972. С. 129-131.

Шманов Н.В. Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. М.: Наука, 1968. 72 с.

Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B. Russian derivational dictionary. N.Y., 1970. 748 p.